

Саша Чёрный

Уютное семейство

*Часть сборника
Избранная проза*

Саша Чёрный

Уютное семейство

«Public Domain»

Чёрный С.

Уютное семейство / С. Чёрный — «Public Domain»,

«В житейской лотерейной серии «маленьких чудес» Пронину выпал счастливый номер. Приятель, взявший у него займы лет десять тому назад в Берлине 70 долларов, – тогда еще у Пронина кое-какие подкожные деньги водились, – прислал ему свой долг...»

Саша Чёрный

Уютное семейство

В житейской лотерейной серии «маленьких чудес» Пронину выпал счастливый номер. Приятель, взявший у него займы лет десять тому назад в Берлине 70 долларов, – тогда еще у Пронина кое-какие подкожные деньги водились, – прислал ему свой долг.

К деньгам этим Пронин так и отнесся, точно нашел их на улице. Не только не положил их на книжку, даже из полезных вещей ничего себе не купил, деньги легкие, надо было их легко и спустить. И мудро решил пожить месяц барин не барином, а на полной воле. Пусть, черти, в пансионе за ним поухаживают, – будет сидеть на веранде, на осенних бабочек смотреть. Одна нога на камышовом кресле, другая... Впрочем, он так и не мог себе представить, какое роскошное положение будет занимать вторая нога.

Свое маленькое малярное дело оставил в Париже на компаньона и уехал в Сен-Клэр. На обыкновенной географической карте даже и точки такой не разыщешь, – кто-то из знакомых назвал.

Оказалось, что такое место (на прошлой неделе Пронин и имени его не слышал) – не выдумка. Десяток вилл у Средиземного моря, одна другой домовитее и милее: словно в каждой давно-давно еще в детских снах жил. Группа пиний на бугре. Захолустный заливчик, окаймленный дюнами, – так к ним и потянуло, к простым песчаным буграм... И местные людишки, тихие провинциальные французы, копошащиеся около своих пансионных дел.

За домишками крутой стеной пустынные холмы. Занавес... Посмотришь из окна и спокоен: может быть, никакого прошлого и не было. Дьявол выдумал, ветер унес.

Первые дни благостные, небывало спокойная жизнь до того укачала гостя, что он даже растерялся. Можно встать утром и напиться кофе внизу. Можно у себя поваляться: подадут в номер. Можно лечь в дюнах и, превратившись в грудного младенца, сосать былинку... Или уйти в горы и на каждом повороте, через каждые десять шагов безмолвно ахать перед всей этой красотой, которая и без него, приезжего человека, вчера здесь сияла. А уедет Пронин в Париж, к своим малярным заказам, – горы, небо и пинии даже и не поморщатся. Одним муравьем меньше.

Гость отвык от природы, до природы ли эмигранту? А тут она вдруг навалилась на него во всей своей осенней чистоте и ясности. Безлюдье, – чайка сядет в двух шагах на волну, будто никакого Пронина и на свете нет. И выходит совершенно очевидно, что чайка эта со дня рождения ведет самую настоящую правильную жизнь, а приезжий гость в дураках оказался: учился, воевал, трепался из страны в страну, а теперь чужие комнаты обоями оклеивает.

Городской человек, если очутится лицом к голой природе, два дня поохает, потом задумываться начнет. Все, что дремало в городе под спудом, все главное, что ради «дел» ушло в душевный подвал, – выплывает и требует хоть какого-нибудь куцега ответа. А Пронин никаких ответов не знал. Не он сеял – жать ему... Что поделаешь.

Ночью, распахнувши окно на море и глядя на полный месяц, блаженно сиявший над чужим заливом, приезжий понял, чего ему недостает. Вот сейчас, сию минуту. Русской беседы. Не эмигрантской, от тупика в тупик, от беды к беде, а как в пространство, в неизвестном направлении, как на русских дачах когда-то разговаривали.

Как и у многих за последние годы, все больше крепла у него острая иллюзия, будто прежде, до обвала, даже самый захудалый Новгород-Волынский (из которого он когда-то очертя голову сбежал в Петербург) был преисполнен необыкновенно уютными людьми.

Кипящий самовар и вареники с вишнями перемешивались в памяти с обрывками чудесных дачных разговоров, с теплым сиянием добродушных глаз... И семени не осталось.

«Ах, если бы, – думал он с враждебным недоумением, – хоть кого-нибудь чудом встретить в том прежнем облике...»

Прикрыв тихо ставни, сел на кресло, сжал крепко пальцы, – и показалось ему, что в этот лунный час несчастнее его во всем мире человека не было.

* * *

На следующее утро бог ему это чудо показал. На веранде сидел в допотопном чесучовом пиджаке и панаме плотный человек: бородка табачным венчиком, благодушные ленивые глаза. Пил чай из давно невиданного подстаканника – с собой привез, где же в Сен-Клэре такую штуку достанешь. Рядом с ним вальяжная дама намазывала масло на хлеб – на каждой фотографической русской группе такие дамы в старину на первом плане полтора места занимали. Жесты медлительные, будто на виолончели играет, локти сахарные, вокруг головы толстая коса выборгским кренделем уложена... Дочка, курносенький худыш, крошила в чай бисквит, болтала ложечкой, языком и ногами, да еще умудрялась непрерывно встряхивать челкой, над которой огромной бабочкой торчал гранатовый бант.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.